

Деревня Сяхэ получила своё название потому, что стояла в нижнем течении реки. В этих местах повсюду тянулись холмы, но сама деревня лежала на ровной земле, и жители в основном занимались земледелием. Чуть выше по реке, у подножия гор, селились уже другие — охотники, что кормились дарами леса. Но в последние годы урожай становился всё хуже, и крестьяне из Сяхэ тоже начали чаще ходить в горы.

Кто не умел охотиться, собирал хворост или травы, что бы лишь как-то прожить. Времена были тяжёлые: не придумаешь, как заработать — останешься голодным.

Позади дома семьи Пэй тянулась узкая тропинка, ведущая прямо в горы. Надев новые соломенные сандалии, Хэ Чжэньшу последовал за Пэй Ланьчжи по этой тропе.

Сейчас стояла лучшая пора для сбора лекарственных трав. Они шли по широкой дороге, ведущей вглубь гор, и уже на первых поворотах повстречали нескольких односельчан, спускавшихся обратно — за плечами у тех были корзины, доверху набитые хворостом и зеленью.

«Надо было прийти на пару дней раньше» - пробормотала Пэй Ланьчжи, когда они разминулись уже с третьей группой людей.

Раньше, когда в горы ходило меньше людей, она могла собирать травы каждые два-три дня, и каждый раз возвращалась с полной корзиной.

Если хочешь собрать хорошие травы, нужно либо идти рано, либо забираться глубже в горы, что не только опасно, но и утомительно.

В последние недели всё время уходило на свадебные хлопоты, Ланьчжи была занята с утра до вечера, и вот только сегодня выдалась свободная минута. Она решила сходить в горы, а вдруг повезёт.

Но, судя по всему, удача сегодня обошла их стороной.

А вглубь леса она идти не собиралась. Там, в диком лесу, водились волки. Местные, если и решались идти так далеко, то лишь большими компаниями, обязательно с кем-то, кто умеет охотиться.

Если бы они взяли с собой Дахэя, было бы спокойнее, но сегодня дома остался только Пэй Чанлин, и псу пришлось остаться сторожить хозяйство.

Пэй Ланьчжи немного подумала и решила, что соберёт по дороге немного диких овощей да грибов, прихватит сухих веток и домой.

Но идущий рядом юноша вдруг остановил её.

«А та тропа тоже ведёт в горы?» - спросил он, указывая в сторону узкой дорожки, петлявшей между зарослей.

Пэй Ланьчжи отлично знала все окрестные пути и ответила, не задумываясь:

«Та ведёт в долину».

«А почему мы туда не идем?» - не отставая спросил юноша.

Не дождавшись ответа, он добавил:

«Я слышал, лекарственные травы любят расти в сыром и тенистом месте. В долину, наверное, никто не ходит, дорога тяжёлая. Может, нам повезёт?»

Так и было.

В той долине протекал ручей, и раньше туда тоже ходили, но несколько лет назад случилось сильное наводнение, и вода принесла с гор камни, ветки, и поток смыл единственную тропу. С тех пор почти никто не рисковал туда идти.

Травы, что растут в этих местах, стоят недорого, соберёшь полную корзину, а выручишь всего пару десятков медяков. Ради этого никто не хотел подвергать себя опасности и ходить туда.

Пэй Ланьчжи думала точно так же... но потом вспомнила, сколько денег ушло на свадьбу. Если не придумать, как подзаработать, то к следующему месяцу Чанлину может просто не хватить на лекарства.

Да, в этих горах большая часть трав обычная, дешёвая. Но случалось, что кому-то улыбалась удача, и они находили редкие и дорогие растения.

«Раз уж всё равно пришли, почему бы не попробовать?» С этой мыслью Пэй Ланьчжи кивнула и повела Хэ Чжэньшу по тропе, ведущей в долину.

Дорога в долину оказалась трудной.

Хэ Чжэньшу, прижимая к груди корзину, то и дело оступался на россыпях мелких камней — шаг твёрдый, шаг скользкий. Не прошло и получаса, как он запыхался до хрипа.

Он вытер пот с лба рукавом и поднял голову, Пэй Ланьчжи была уже далеко впереди, словно шла по ровной дороге.

Хэ Чжэньшу только тяжело выдохнул.

Теперь он всё яснее понимал, почему, когда впервые пришёл в дом Пэев, к нему отнеслись с таким раздражением.

В сравнении с другими он и правда выглядел беспомощным.

Пэй Ланьчжи заметила, что шаги за спиной утихли, остановилась и обернулась. Видимо, в этой жизни Хэ Чжэньшу сумел произвести на неё неплохое впечатление. Увидев, как он еле стоит на ногах, она не рассердилась и даже не стала торопить его.

«Я пойду вперёд, посмотрю, что там внизу, - сказала она, - а ты иди потихоньку, аккуратно, не упади».

Помолчала и добавила:

«Упадёшь, и лечить потом тебя придётся, опять деньги тратить».

«Понял...» - буркнул Хэ Чжэньшу.

Оставив обузу позади, Пэй Ланьчжи зашагала ещё быстрее, и вскоре скрылась из виду.

Хэ Чжэньшу почувствовал досаду, но не стал геройствовать.

Посидел немного, отдышался, и лишь потом осторожно двинулся дальше.

Когда он наконец догнал Пэй Ланьчжи, та уже стояла, присев у подножия скалы, и осторожно вытаскивала что-то из узкой расщелины между камней.

Услышав шаги, она обернулась и крикнула:

«Иди сюда!»

Когда Хэ Чжэньшу подошёл, женщина показала на зелёные побеги под каменной стеной:

«Знаешь, что это?»

Там, где скала почти не знала солнечного света, из щели пробивались тёмные листья, закрученные спиралью. Их цвет был настолько глубок, что они почти сливались с мхом на камнях.

Это был лекарственный травянистый росток — «Тысячеслойный лист», растение, что любит прятаться в трещинах скал и влажных ущельях.

Это лекарственное растение нельзя назвать редким, но из-за того, что добывать его трудно, а растёт оно не долго, поэтому стоило оно в несколько раз дороже обычных трав.

Разумеется, Хэ Чжэньшу это знал. Именно ради него он сегодня и повёл Пэй Ланьчжи в эту долину.

«Одна такая травка стоит целую корзину других» - глаза женщины засверкали. «А тут, гляди, целая поляна... - она обернулась к нему и, не скрывая радости, добавила: «Не думала, что ты, оказывается, счастливый талисман».

Хэ Чжэньшу лишь улыбнулся.

Это не имеет никакого отношения к удаче. Эти места они с Пэй Ланьчжи нашли ещё в прошлой жизни, после многих неудачных походов. Тогда, ради этого растения, он даже поскользнулся на мокром камне и рассёк руку.

Он ничего не стал объяснять, просто присел рядом и стал помогать собирать травы.

К вечеру корзины были полны.

Они вышли поздно, и пока выбрались из ущелья, небо уже окрасилось в тёплый закатный свет.

Ночевать в горах было опасно, поэтому оба, не теряя времени, торопливо зашагали домой и успели вернуться как раз до того, как надвинулась тьма.

Открыв ворота, они увидели во дворе двух человек.

«Чжоу Юань! - нахмурилась она, - что вы тут делаете?»

Мужчина, услышав своё имя, в панике вскочил и поспешно выпрямился:

«О-о, жена, ты вернулась?»

В руках у него был рубанок, а на двух скамьях рядом с ним лежали длинные обструганные доски, стружка которых густо покрывала землю. Рядом стоял Пэй Чанлинь, они, очевидно, разговаривали до их прихода.

«Сколько раз я тебе говорила, что Чанлиню нельзя уставать? Ты снова просишь его научить тебя плотницкому делу?»

Ремесло в семье Пэев передавалось из поколения в поколение. Пэй-плотник уже не брал учеников, и если больной Чанлинь не мог унаследовать отцовское мастерство, то ремесло

могло перейти только к зятю, который женился бы на его сестре.

Когда-то именно из-за этого многие и сватались к ней.

Думал ли об этом сам Чжоу Юань, знал только он один.

Однако после почти двух лет брака Пэй-плотник использовал Чжоу Юаня лишь как помощника и не учил его многим навыкам плотницкого дела. Когда тот хотел чему-то научиться, но не решался спрашивать тестя, он шёл к Пэй Чанлиню.

А Пэй Чанлинь, равнодушный почти ко всему на свете, только к столярному делу питал искренний интерес, что бы ни спросил Чжоу Юань, отвечал. А порой, не выдержав его неуклюжести, сам брал инструмент в руки, показывая, как нужно.

Из-за этого Чжоу Юань не раз попадался жене.

«Конечно, нет!» - поспешно замахал руками тот, заметив нахмурившуюся Пэй Ланьчжи. «Это Чанлинь сказал, что в доме душно, вот мы и вышли на воздух. Просто болтали, больше ничего».

Это было действительно необычно.

Пэй Чанлинь не любил людей. Обычно он целыми днями сидел в своей комнате, а если чувствовал себя чуть лучше, возился с деревяшками и всё. В переднюю часть двора почти не выходил.

А теперь, выходит, ему вдруг стало душно?

Пэй Ланьчжи скользнула взглядом по стоявшему рядом юноше.

Похоже, снова беспокоится о своём «муженьке».

Но Хэ Чжэньшу на всё это внимания не обратил.

После долгого вечера в горах он был так вымотан, что едва стоял на ногах. Бросил за спину корзину, устало пробормотал, что есть не будет, и тут же ушёл в задний двор отдыхать.

Он даже не заметил, что за ним всё это время кто-то наблюдал. Взгляд неотрывно следил до тех пор, пока его фигура не скрылась за углом дома.

«Тебе уже лучше...» — напомнила о себе Пэй Ланьчжи, - раз уж тебе в доме душно, займись делом».

Она высыпала на землю свежесобранные травы и сунула брату в руки бамбуковое решето:

«Разделите с зятем, переберите всё это. А я пока ужин приготовлю».

Пэй Чанлинь опустил глаза, тихо ответив:

«Хорошо».

Впервые за долгое время Пэй Чанлинь поужинал не в своей комнате, а во дворе, вместе с сестрой и зятем.

Когда он вернулся в дом, на улице уже стемнело.

Он разложил вещи на столе и при слабом свете зажёл масляную лампу.

Мерцающий свет освещал лежащую в постели фигуру.

Юноша, видно, и правда вымотался за день. Он даже не укрылся одеялом, просто лёг поперёк постели, раскинув руки и ноги, словно растянувшись буквой «Х».

В деревне во многих семьях были геры — парни, которых брали в мужья. Пэй Чанлинь видел их не раз: скромных, тихих, сдержанных, не таких, как этот.

Этот был живой, говорливый, непринуждённый, и, уж конечно, ни один другой не лёг бы вот так, без задней мысли, на постель к мужчине.

Пэй Чанлинь подошёл ближе. Вдруг с кровати донёсся сонный голос:

«Я уже умылся».

Глаза Хэ Чжэньшу едва открывались, слова тонули в полусне, звучали мягко и невнятно:

«И одежду сменил...Ещё чуть-чуть полежу... совсем немного...»

Они ведь только притворялись супругами и естественно, не спали вместе.

Все эти дни Хэ Чжэньшу спал на полу, расстилая подстилку в углу комнаты, а утром, прежде чем кто-то успевал войти, он аккуратно убирал всё на место, чтобы никто не догадался.

Но сегодня сил у него больше не осталось.

Пэй Чанлинь ничего не ответил. Он наклонился, достал из-под кровати заготовку и стамеску,

тихо сказал:

«Сестра сварила тебе лапшу. Поешь, и ложись».

«Не хочу...» - пробормотал Хэ Чжэньшу, усталым и почти детским голосом.

Не успел он договорить, как из живота раздалось громкое урчание.

Вечером в деревне стояла тишина, а в доме было ещё тише, звук прозвучал особенно отчётливо.

Хэ Чжэньшу тихо простонал, перевернулся на бок и свернулся калачиком:

«Не хочу двигаться...»

Пэй Чанлинь бросил на него взгляд, но промолчал.

Чаша лапши стояла на столе, аромат поднимался вместе с горячим паром, наполняя комнату тёплым запахом муки и остроты.

Хэ Чжэньшу сначала и не чувствовал голода, но теперь, уловив запах, будто проснулся аппетит. Живот снова заурчал, громко и настойчиво.

Он обречённо вздохнул и сел:

«Ладно, ладно, съем... не кричи» - буркнул он, обращаясь к собственному желудку.

Пэй Чанлинь невольно опустил глаза: Вот уж с кем, а со своим животом разговаривать додумался...

Пэй Ланьчжи сварила простую лапшу: лишь несколько зелёных листьев да ложка ароматного перца сверху. Но запах стоил целого пира, Хэ Чжэньшу ел, не поднимая головы, с таким аппетитом, будто готов был проглотить и миску заодно. Он шумно втянул очередную порцию и, довольный, пробормотал:

«Почему твоя сестра не открыла ресторан? Даже в лучших заведениях в городе так вкусно не готовят».

Но, произнеся это, он вдруг вспомнил, почему Пэй Ланьчжи не хотела выходить замуж и замолчал.

В комнате сразу повисла тишина.

Хэ Чжэньшу поднял глаза.

Пэй Чанлинь сидел напротив, в свете лампы возился со своими дощечками, точил стамеской дерево.

Он был спокоен и сосредоточен, длинные ресницы отбрасывали лёгкую тень на лицо, словно вовсе не слышал недавних слов.

Хэ Чжэньшу опустил взгляд.

Он понимал, почему тот стал таким молчаливым и замкнутым. Долгая болезнь ломает не только тело, но и душу. Особенно когда живёшь в бедности, где каждый вздох — обуза для родных.

Если бы он сам оказался на его месте... Наверное, тоже подумал бы, что смерть это не конец, а избавление.

В голове Хэ Чжэньшу путались какие-то бессвязные мысли, а остатки лапши на столе вдруг показались безвкусными.

Поев, он снова растянулся на кровати.

Обычно он не был ленивым человеком, но сегодня усталость навалилась такая, что даже дышать стало трудно.

Плотно поев, он почувствовал сонливость ещё сильнее, чем раньше.

«Всего на одну палочку благовоний... сейчас встану и постелю постель...» - пробормотал он невнятно, зевая.

Но вскоре в комнате воцарилась тишина. Ночь становилась всё глубже.

Пэй Чанлинь подошёл к кровати.

Юноша спал, свернувшись клубком. Дыхание было ровным и тихим, он спал крепко, будто под гул реки.

Пэй Чанлинь молча смотрел на него.

«Хэ Чжэньшу...»

Ответа не последовало.

Юноша не шелохнулся, даже брови не дрогнули, казалось, хоть гром греми, он и тогда не проснётся.

Пэй Чанлинь тихо выдохнул и потер переносицу.

Эту кровать сделал его отец, Пэй-плотник, своими руками.

Когда готовились к свадьбе, он специально сделал кровать шире, чтобы двум людям было просторно спать вместе.

В брачную ночь сам Хэ Чжэньшу предложил постелить себе на полу у края кровати. Пэй Чанлинь тогда всё ещё был слаб и почти не вставал с постели. Не мог же он взять на себя инициативу и лечь спать с ним? И чтобы не очернить его невинность, он просто предложил спать на полу и тот согласился.

Так и оставили.

Но теперь...

Пэй Чанлинь перевёл взгляд на шкаф, где хранились постельные принадлежности.

В последние дни становилось всё теплее, но ночи по-прежнему оставались прохладными, а от пола тянуло сыростью и холодом.

Пэй Чанлинь слишком хорошо знал своё неможное тело: стоит ему провести ночь на земле, как болезнь тут же могла обостриться.

Впрочем, толку с него всё равно немного. Что ж, если уж придётся делить с этим человеком постель одну ночь... пожалуй, ничего страшного не случится?

Он заколебался.

А юноша, тем временем, спал беззаботно, безмятежно, даже что-то неразборчиво бормотал во сне.

Три дня как приехал, и уже спит так спокойно в чужом доме?

Он и в других местах спит так крепко? А если бы рядом оказался человек с дурными намерениями?

Неожиданно на душе у Пэй Чанлиня появилось раздражение, он сам не знал почему.

Он наклонился, голос стал холодным:

«Хэ Чжэньшу, ты что, совсем не собираешься вставать?»

Молчание.

«Ну... тогда не вини меня».

Пэй Чанлинь осторожно просунул руки под тонкую спину юноши, пытаясь подвинуть его к стене, чтобы освободить место.

Не получилось...

Он замер...

Обычно горы были ниже и легче обычных мужчин. А Хэ Чжэньшу, не привыкший к деревенскому труду, был и вовсе хрупким, худощавым — запястье одно можно было обхватить ладонью. Казалось бы, разве это тяжело?

Пэй Чанлинь беззвучно выдохнул и попробовал снова.

Результат тот же.

Зато от этого движения спящий юноша пошевелился и пробормотал недовольно:

«Не шуми...»

И, перевернувшись, сам перекатился к стене.

Пэй Чанлинь долго смотрел ему в спину, его взгляд был задумчивым.

Потом тихо вздохнул и, наконец, лёг рядом, не снимая одежды.

<http://bllate.org/book/14476/1280766>